

Александр Герцен

ЗАПИСКИ ОДНОГО
МОЛОДОГО
ЧЕЛОВЕКА

ПОВЕСТЬ

Москва
RUGRAM
2021

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Г41

Герцен А.

Г41 Записки одного молодого человека / А. Герцен. — М.: Т8 Издательские технологии/ RUGRAM, 2021. — 100 с. — (RUGRAM-КЛАССИКА).

ISBN 978-5-519-72671-9

В нашем новом проекте вы найдете как книги из «золотого фонда» классической русской литературы, так и редкие, почти забытые, произведения авторов, оставшихся в тени своих великих современников. Эти книги не утратили самобытной актуальности, сегодня, как и сто лет назад, они определяют пути русской культуры, ищут ответы на «проклятые вопросы».

Без этих книг невозможно понять кто мы, кем мы были, куда движемся. Мы отобрали для вас самые важные тексты русских классиков, представили их в наиболее полных редакциях, без каких либо сокращений и цензурных изъятий, и составили серию RUGRAM-КЛАССИКА.

Вашему вниманию представляется книга Александра Герцена «Записки одного молодого человека».

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC

ISBN 978-5-519-72671-9

© Т8 RUGRAM, оформление, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

ЗАПИСКИ ОДНОГО МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА

ВСТУПЛЕНИЕ

Твое предложение, друг мой, удивило меня. Несколько дней я думал о нем. В эту грустную, томную, бесцветную эпоху жизни, в этот болезненный перелом, который еще бог весть чем кончится, «писать мои воспоминания». Мысль эта сначала испугала меня; но когда мало-помалу образы давно прошедшие наполнили душу, окружили радостной вереницей, — мне жаль стало расстаться с ними, и я решился писать, для того чтоб остановить, удержать воспоминания, пожить с ними подольше; мне так хорошо было под их влиянием, так привольно... Сверх того, думалось мне, пока я буду писать, подольется внешняя вода и смоеет с мели мою барку.

А странно! С начала юности искал я деятельности, жизни полной; шум житейский манил меня; но едва я начал жить, какая-то *bufera infernale* завертела меня, бросила далеко от людей, очертила круг деятельности карманным циркулем, велела сложить руки. Мне пришлось в молодости испытать отраду стариков: перебирать бывшее и вместо того, чтоб жить в самом деле, записывать прожитое. Делать нечего! Я, вздохнувши, принялся за перо; но едва написал страницу, как мне стало легче; тягость настоящего делалась менее чувствительна; моя веселость возвращалась; я оживал сам с прошедшим: расстояние между нами исчезало. Моя работа стала мне нравиться, я увлекался ею и, как комар Крылова, «из Ахиллеса стал Омиром»; и почему же нет, когда я прожил свою илиаду?.. Целая часть жизни окончена; я вступил в новую область; тут другие нравы, другие люди — почему же не остано-

виться, перейдя межу, пока пройденное еще ясно видно? Почему не проститься с ним по-братски, когда оно того стоит? Каждый день нас отдаляет друг от друга, а возвращения нет. Моя тетрадка будет надгробным памятником доли жизни, канувшей в вечность. В ней будет записано, сколько я схоронил себя. Но скучна будет илиада человека обыкновенного, ничего не совершившего, и жизнь наша течет теперь по такому прозаическому, гладко скошенному полю, так исполнена благоразумия и осторожности etc., etc. — Я не верю этому; нет, жизнь столько же разнообразна, ярка, исполнена поэзии, страстей, коллизий, как житье-бытье рыцарей в средних веках, как житье-бытье римлян и греков. Да и о каких совершенствах идет речь? Кто жил умом и сердцем, кто провел знойную юность, кто человечески страдал с каждым страданием и сочувствовал каждому восторгу, кто может указать на нее и сказать: «вот моя подруга», на него и сказать: «вот мой друг», — тот совершил кое-что. «Каждый человек, — говорит Гейне, — есть вселенная, которая с ним родилась и с ним умирает; под каждым надгробным камнем погребена целая всемирная история», — и история каждого существования имеет свой интерес; это понимали Шекспир, Вальтер Скотт, Теньер, вся фламандская школа: интерес этот состоит в зрелище развития духа под влиянием времени, обстоятельств, случайностей, растягивающих, укорачивающих его нормальное, общее направление.

Какая-то тайная сила заставила меня жить; тут моего мало: для меня избрано время, в нем мое владение; у меня нет на земле прошедшего, ни будущего не будет через несколько лет. Откуда это тело, крепости которого удивлялся Гамлет, я не знаю. Но жизнь — мое естественное право; я распоряжаюсь хозяином в ней,двигаю свое

«я» во все окружающее, борюсь с ним, раскрываю свою душу всему, всасываю ею весь мир, переплавляю его, как в горниле, сознаю связь с человечеством, с бесконечностью, — и будто история этого вырабатывания от ребяческой непосредственности, от этого покойного сна на лоне матери до сознания, до требования участия во всем человеческом, до самобытной жизни — лишена интереса? Не может быть!

Но довольно:

Ihr naht euch wieder, schwankende Gestalten, Die frueh sich einst dem trueben Blick gezeigt. Versuch ich wohl euch diesmal festzuhalten?

С восхищеньем переживу я еще мои 25 лет, сделаюсь опять ребенком с голой шеей, сяду за азбуку, потом встречусь с ним там, на Воробьевых горах, и упыюсь еще раз всем блаженством первой дружбы; и тебя вспомню я, «старый дом»¹.

В этой комнатке счастье бывшее, Дружба родилась и выросла там. А теперь запустенье глухое, Паутины висят по углам.

Потом и вы, товарищи аудитории, окружите меня, и с тобою, мой ангел, встречусь я на кладбище...

О, с каким восторгом встречу я каждое воспоминание... Выходите ж из гроба. Я каждое прижму к сердцу и с любовью положу опять в гроб...

Владимир-на-Клязьме. Весной 1838.

¹ Огарев «Старый дом» написал в 1840 году. Стихи эти прибавил я, отдавая Белинскому статью в конце сорокового года. (Прим. А.И. Герцена.)

РЕБЯЧЕСТВО

*Das Hoechste was wir von Gott und der Natur erhalten
haben, ist das Leben...*

Goethe

До пяти лет я ничего ясно не помню, ничего в связи... Голубой пол в комнатке, где я жил; большой сад, и в нем множество ворон. Идучи в сад, надобно было проходить сарай; тут обыкновенно сидел кучер Мосей с огромной бородой, который ласкал меня и на которого я смотрел с каким-то подобострастием; с ним, кажется, ни за какие блага в мире я не решился бы остаться наедине. Тогда при мне уже была m-me Proveau, которая водила меня за руку по лестнице, занималась моим воспитанием и, сверх того, по дружбе, в свободные часы присматривала за хозяйством. Еще года два-три наполнены смутными, неясными воспоминаниями; потом мало — помалу образы яснеют, как деревья и горы, из-за тумана вырезаются мелкие подробности детства и крупные события, о которых все говорили и которые дошли даже до меня. Помню смерть Наполеона. Радовались, что бог прибрал это чудовище, о котором было предсказано в апокалипсисе, проникательные не верили его смерти; более проникательные уверяли, что он в Греции. Всех больше радовалась одна богомольная старушка, скитавшаяся из дома в дом по бедности и не работавшая по благородству, — она не могла простить Наполеону пожар в Звенигороде, при котором сгорели две коровы ее,

связанные с нею нежнейшей дружбой. Рассказами о пожаре Москвы меня убаюкивали; сверх того, у меня были карты, где на каждую букву находилась карикатура на Наполеона с острыми двустышными, например:

*Широк француз в плечах, ничто его неймет,
Авось-либо моя нагайка зашибет, —*

и с еще более острыми изображениями, например. Наполеон едет на свинье и проч. Мудрено ли, что и я радовался смерти его? Помню умерщвление Коцебу. За что Занд убил его, я никак не мог понять, но очень помню, что племянник m-me Proveau, гезель в аптеке на Маросейке, от которого всегда пахло ребарбаром с розовым маслом, человек отчаянный и ученый, приносил картинку, на которой был представлен юноша с длинными волосами, и рассказывал, что он убил почтенного старика, что юноше отрубили голову, и я очень жалел, разумеется, юношу.

Я был совершенно один; игрушки стали скоро мне надоедать, а их у меня было много: чего-чего ни дарил мне дядюшка! И кухню, в которой готовился недели три обед, готовился бы и до сего дня и часа, ежели б я не отклеил задней стены, чтоб подсмотреть секрет, и избу, покрытую мохом, в которой обитал купидон, весь в фольге, и *lanterne magique*, занимавший меня всего более... Вот является на стене яркое пятно, и больше ничего; надумаешься тут, — что-то явится в этих лучах славы и вогнутого стекла... вдруг выступает слон, увеличивается, уменьшается, точно живой, иной раз пройдет вверх